

A young girl with brown hair in two braids, wearing a pink long-sleeved dress over a dark patterned top, is holding a large grey goose. The goose has a long orange beak and is looking to the right. The background is dark.

МИНУЯ

ВСЕ ПЛОХОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Василь Халитов

Минуя все плохое

«Автор»

2026

Халитов В.

Минуя все плохое / В. Халитов — «Автор», 2026

«Минуя всё плохое» — история о том, как одна маленькая загадка может привести к большой тайне. Журналист Сергей Сошин получает необычное письмо с просьбой найти пропавшего гуся, однако простая на первый взгляд история приводит его к опасной тайне. В центре событий оказывается легендарный алмаз хана Тохтамыша, за которым охотятся представители криминального мира. Постепенно гусь становится ключом к разгадке запутанной истории, полной преступлений, тайн и неожиданных связей.

© Халитов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Минуя все плохое

Глава 1

Вечером 1-го марта 2000 не пойми какого года по заснеженной дороге резво катила "люксовая" серая девятка. Заходящий за горизонт диск солнца прочертил по сугробам изумительную розовую дорожку и, пересекая слева наискосок шоссе с едущей по нему легковушкой, уперся с правой стороны в безмолвный черный лес.

Водитель девятки - русоволосый мужчина лет тридцати, одетый в кожаную куртку и джинсы, задумчиво всматривавшийся серыми глазами вперед, вдруг резко затормозил и, открыв рот, не шелохнувшись, уставился через лобовое стекло на то, что он в последний момент успел заметить буквально в нескольких метрах от капота.

До него только сейчас дошло, что с порывами ветра началась настоящая мартовская метель. В сгущающихся сумерках мокрый снег хлестал и барабанил по машине. Дворники не успевали сгребать белые хлопья. Ровный рокот мотора и скрежет резиновых щеток по стеклу усугублял нависшую мрачную тишину - по спине мужчины побежал холодок. Он включил фары и в полосе света уже совершенно четко разглядел фигурку высотой примерно около метра, очертаниями один в один напоминавшую гуся.

«Объехать и дать по газам?!» - мелькнуло в голове водителя. Айдар Шайнуров не был парнем робкого десятка, но, как и положено всякому татарину, знал цену слову "осторожно".

Прихватив с собой монтировку, он все же выбрался из автомобиля, быстро огляделся по сторонам.

Как назло, на трассе Альметьевск-Бугульма в этот момент оказалось пустынно: ни встречных, ни обгоняющих машин. Айдар зло выматерился вслух, ему сразу стало как-то легче, он подошел к фигурке и присев рядом на корточки неожиданно развеселился. «Надо же! Какие-то мудаки, а, может быть, просто дети старались, лепили гуся, а я злюсь! Где твое чувство юмора, братан?!»

Протянув руку, Айдар дотронулся указательным пальцем до головы снежной фигурки, пробуя ее на прочность. На месте вмятины, оставшейся от пальца, снег медленно разлепился и на похолодевшего от ужаса мужчину уставился абсолютно красный глаз с коричневой бусинкой посередине.

Звук металла от выпавшей из рук и ударившейся о лед монтировки смешался с истошным воплем Шайнурова, плюхнувшегося на задницу.

- А-а-а-а, сука! Твою мать!

Гусь был абсолютно живым.

Глава 2

Первый день весны выдался для Сергея Игнатьевича Сошина неудачным, если не сказать больше.

Во-первых, на Шаболовке благополучно прикрыли его авторскую радиопрограмму "Землепашец". Аргументы - "нет рейтинга, про крестьян никому не интересно" выглядели более чем слабо, но особо спорить и доказывать обратное не приходилось. Спонсор передачи - Ассоциация фермерских хозяйств вежливо известила господина Сошина о том, что, к сожалению финансовых средств для плодотворного сотрудничества больше нет. Да Сергей Игнатьевич и так был им признателен безмерно. Более года люди, на которых постоянно наезжали то налоговая, то администрация области, находили из своих скудных средств деньги для поддержания программы, пользовавшейся огромной популярностью.

Ну, а во-вторых, в редакции родной газеты, в которой Сошин более 20-ти лет проработал заведующим газетным репортажем, прошла журналистская оперативка с новым назначенным главным редактором. Такой мрак необходимо видеть! В кресле бывшего главреда Чижовой Юлии Константиновны восседал молодой человек в мышинном костюме, в того же цвета галстук, очках - "мама меня ценит" и с зализанным пробором на невымытой голове.

Эдакий манерный хлюст с замашками гения не имел за душой дня журналистской практики, кроме работы в каком-то занюханном рекламном агентстве в качестве добросовестного наклейщика фирменных этикеток на спичечные коробки. Если подобное, конечно, можно считать практикой.

Во время перестройки такого говнюка коллектив просто проглотил бы и выплюнул. В те золотые деньки редакторов выбирали на альтернативной основе. Но времена меняются, и под трезвонную болтовню о свободе слова сейчас не то, что в газету, на телевидение проктологов выдвигают!

Пока очкарик с густопсовым невежеством учил редакцию, как надо увеличивать тиражи за счет секса, скандалов, насилия и сплетен, Сергей Игнатьевич, отделив себя от происходящего, вспоминал свой первый приход в редакцию. Тогда их учили, что у статьи должны быть начало, середина и конец. Причем, начало должно захватывать, середина не должна наскучить, а финал просто обязан давать надежду. И заголовок, непременно заголовок, это половина успеха.

- ...таким образом, подводя черту сегодняшней непростой беседы ... - продолжал вещать очкастый.

Воспоминания Сошина прервала корректор Нина, ткнувшая его в бок:

- Слушай, тебя касается.

- ... является, не в последнюю очередь, позицией, которую должен занять зав. газетным репортажем. Что Вы нам скажете? - очкастый поправил свой галстук, внимательно уставившись на пожилого журналиста.

Сергей Игнатьевич обвел долгим взглядом коллег, увидел в их глазах немое разрешение на любое безобразие (в конце концов, он уже год, как перешел черту пенсионера, это им было чего терять) и выдал такую арию Каварадосо, что кактусы на подоконнике чуть не завяли. Здесь присутствовало все: от журнала "Интим", свернутого в трубочку и засунутого в заднее проходное отверстие очкастому, до его прапрабабушки, трахавшейся, очевидно, не только с Чарльзом Дарвином. Короче, Игнатьич выдал.

Он шел от метро "Ботанический сад" до гостиницы "Байкал", затем повернул налево к дому и уже поднявшись в лифте на свою лестничную площадку и доставая ключи, неслышанно

удивился, до чего ему легко и свободно дышится, до чего ему покойно и хорошо. Все! К черту! Сажусь писать роман!

Сергей Игнатьевич, на ходу снимая обувь и одежду, метался по двухкомнатной хрущевке, включая телевизор и поминутно меняя пультом замусоренные рекламой каналы.

Сошин, похоронив жену, жил бобылем, детей не имел, и за ним присматривала домработница, оставлявшая два раза в день еду в холодильнике, любимый со свиными хрящами борщ на плите, не выветриваемый запах духов "Красная Москва" и корреспонденцию, громоздившуюся отдельной стопкой на письменном столе в спальне.

- И, наконец, - вещала ведущая MTV, - на третьем месте нашего хитпарада Бьенс со своей песней...

- Да что ты говоришь?! Иди ты в мантру со своей губастой Бьенс! - отвечал ей Сергей Игнатьевич, стараясь попасть в рукава полосатого пижамного пиджака, курсируя из спальни на кухню и обратно.

Ответить самой Бьенс Сергею Игнатьевичу уже мешал зажатый в зубах бутерброд с ветчиной. Усевшись за старый письменный стол, хозяин квартиры держал в одной руке надкушенный бутерброд, другой рукой рассеянно перебирал почту, тасуя счета за квартиру, телефон, электричество, открытку-приглашение в ДК "Вешняки" на юбилейный вечер и ... задержался на конверте, по которому аккуратным, почему-то детским почерком был написан его адрес с фамилией.

Дожевав бутерброд, Сергей Игнатьевич решительно надорвал конверт и углубился в чтение письма. Оно было совсем коротким. К известному журналисту обращалась восьмилетняя девочка, помнившая его по выступлению в их Бугульминском детдоме. Девочку звали Настя, она с трогательной наивностью просила взрослого дядю найти ее любимого питомца - породистого, длиннее серого гуся Гранда, пропавшего неделю назад из их живого уголка. Настя очень хотела получить его обратно к 8-му марта и надеялась на помощь. Подписалась она своей фамилией Круглова, последние строчки письма оказались в разводах - наверное, девочка плакала и сильно переживала.

Сошин нахмурился, перечитал письмо еще раз, положил его перед собой, резко встал, сел, не зная - что делать дальше. У пожилого мужчины неожиданно защемило сердце. Барабанив пальцами по столу, он смотрел невидящими глазами на ночные огни Москвы за окном. Ему вдруг со всей очевидностью стало ясно, что он ничем не сможет помочь этой славной девочке Насе, не сможет найти гуся Гранда, которого уже давно, наверное, употребили в пищу какие-то жлобы. Не сможет... Да, как говорится, письмо позвало в дорогу, но никто не поехал. Телевизор в зале продолжал орать. И тут на столе резко зазвонил телефон. Который стационарный, со шнуром.

Глава 3

Если бы ученые мужи, продолжающие славные традиции академика Лихачева, имели возможность попасть в уютный ресторан "Горка" в подмосковном городе Балашиха, их научный этнографический потенциал в разделе "трапеза" обогатился бы совершенно изумительными познаниями. Впрочем, за одну минуту аудиозаписи разговора, происходящего в отдельном банкетном зале между двумя солидными мужчинами, многое дали бы руководители всех силовых структур страны.

Официально ресторан "Горка" принадлежал открытому и, как модно говорить у современных политиков, совершенно прозрачному акционерному обществу "Братство ветеранов". В сознании сразу всплывали локальные конфликты от Афгана до Приднестровья и от Карабаха до Чечни. Но ведь братства бывают разными, соответственно и ветераны - тоже.

На входной двери заведения висела табличка "Санитарный день", возле черного входа стоял грязный, как свинья, по брюхо уазовский "батон" с еле различимой надписью на борту - "Санэпидстанция".

Оба посетителя относились к тому типу мужчин, которые сами выбирают место и время встречи, едут туда, куда хотят и делают то, что пожелают.

Оба сидевших за столом друг против друга мужичка находились примерно в одном возрасте, что-то между 50-тью и 60-тью годами. Только один из них представлял типично славянский тип с копной густых пшеничных волос, синими глазами и широченной улыбкой до ушей, а другой, такого же крепкого сложения, чуть более поджарый, с еле заметным азиатским флером, абсолютно седой коротко стриженной башкой и карими глазами.

Начинал Валентин Андреевич Колядин:

- Стол для трапезы должен быть не из прессованных опилок, а из струганных досок...

- Точняк! - подхватывал Салих Абузарович Касимов. - На опилках только животные едят. И правильно ты, Воля, налил в рюмаху первача, - продолжал он, глядя, как Колядин разливает из фарфорового чайника самогон тройного перегона по рюмкам.

- Первач или водку надо пить только маленькими хлопками, хорошо закусывая. Давай, хлопнем. Они выпили, закусили сопливыми опятами, заметили, что обслуживающий их молодой расторопный парнишка Славик, мечущийся с открытой от удивления хлебобрезкой от стойки к столу, скоро сломается и прыснет.

- И скатерть, смотри, какая скатерть должна быть на таком столе, - с серьезной рожей размышлял вслух Касимов, теребя в руках край домотканого белого рушника, вручную выделанного из льна.

- На таком тастымале хорошую еду и кушат пириатна, - хитро косясь на Славика, переходил он на акцент.

- Угу, - Валентин Андреевич соглашался с набитым ртом. Пельмешки в наваристом бульоне были мелкие, с ноготок.

- А что такое тастымал, Касимушка?

- Это по-татарски рушник, Волюшка, - в голосе Салиха Абузаровича елей разливался.

- А мясо, кстати, в ваших татарских пельмешках с салом, небось?!

- Конечно, кунак, мы же свинину не едим, только сало.

- В смысле?

- Сало кобылье, а мясо, не обессудь, годовалого жеребенка.

- Я че, конину ем, штоля? - ложка в руке Колядина застыла перед ртом, глаза улыбались.

- А ништяк, вкусно.

Касимов вытирал рот полотенчиком, лежавшим на коленях, кивал головой.

- Обрати внимание, Воль, вся еда деревенская, никаких тебе заморских каперсов-шмаперсов, устриц-шмустриц.

- По второй? - Колядин потянулся к чайничку, ему стало жарко, он скинул пиджак на спинку стула и восседал в белой косоворотке из тончайшего батиста.

- Не, - остановил его Салих Абузарович, - сейчас я разливаю.

Они подержали холодные запотевшие рюмки в ладонях, не чокаясь хлопнули, закусили заливным, посыпанным хреном говяжьим языком.

- Хорошо... Кстати о деревенских. Ты, Касим, обратил внимание, что деревенские бабы никогда не обижаются, когда их бабами называют.

- Точняк. Мужики же не обижаются, если их бабы мужиками называют. Это все городские придумали про мужчину и женщину.

- Я вот в городе раз был. - Колядин принимал из рук официанта фаршированного куренка...

Славик сжал губы, чтобы не заржать.

- Это что? - Синие глаза в упор смотрели на парнишку.

- Тутрылган таук, фаршированная рисом, курагой и киш-мишем курица. Воля, отстань ты от пацана, видишь, его гнобит. Ты, Слава, случаем, не температуришь? - в голосе Касимова слышалось неподдельное участие.

Славик замотал головой, стремглав выскочил.

- Щас я его добыю. - Колядин довольно всосался в куренка, ломал его пальцами, жадно вдыхал аромат.

Бесшумно вошедший хозяин ресторана, он же родной дядя Славика, Геннадий Балихин по кличке Долговой устался на дорогах гостей.

- Чего он там гогочет в толчке, вы его щекотали, что ли? Слав, иди сюда!

- Тихо, тихо, тихо, хороший мальчик, че ты, Генаша, не знаешь нас, что ли? - мужчины махали руками на хозяина.

Но Геннадий не унимался:

- Слав, неси бэлиш, гости дорогие ждут!

Славик торжественно внес на деревянном подносе огромный, круглый мясной пирог, покрытый сверху пропекшейся корочкой теста.

- Да-а-а! - Валентин Андреевич развел руками, - Касим, ты настоящий друг, уважил. А бэлиш по-вашему, то же самое, что по-нашему курник.

- Точняк, - седой собеседник сам резал ножом дымящийся бэлиш, - только в сто раз лучше. Ты там чего-то про город бубнил.

- Ах, да, ну вот, значит, заглянул я как-то в город, а там знакомый идет, весь трясется. Увидел меня, вцепился, представляешь, говорит, меня моя жена бросила. И смотрит на меня.

- Ну, - ухмыляющийся Долговой эту историю сто раз слышал.

- Вот тебе и ну. Я ему говорю, знаешь, сейчас вон от меня ушла баба, дак я не переживаю, придет другая. И ты, брат, не переживай, ушла жена, придет другая. С новой тещей.

Трое мужчин дружно засмеялись. Славик, не выдержав, тоже звонко захохотал.

Дядя Гена нахмурился на племянша:

- Давай чай заваривай и чак-чак приготовь со сливками. И десерт.

- И раков с пивом - задрал указательный палец, добавил Салих Абузарович.

Долговой уважал пришедших гостей. И очень дорожил дружбой с ними. Благодаря Воле и Касиму у Геннадия Балихина, ссужавшего под хороший процент клиентов общаковскими деньгами, и, кстати, получившего за это кличку, не существовало никаких проблем ни с бизнесом, ни с рестораном.

Его никто не беспокоил. Две фамилии, упоминавшиеся только шепотом в очень узких кругах, оказывались настолько реальными, что банковским векселем на тонну зеленых рядом с

ними можно было спокойно подтереть очко. Таких людей сейчас в России осталось наперечет. И, вообще, к своим пятидесяти годам дядя Гена, как его звали в Балашихе, понял одну простую вещь - хорошего человека в нашей стране на самом-то деле не так уж и много. Основная масса людей инертна, сильно подвержена различным воздействиям и готова согласиться с чем угодно, даже со злом.

Все это он говорил утром племяннику, стараясь подготовить его к важной встрече. А то, что она будет важной, Долговой понимал и без намеков. Стол выкатывал Абузарыч, стало быть, ассортимент блюд подбирался соответствующий. Повара в "Горке" славились своим искусством. По лицу татарина нельзя было сказать, что он недоволен. Но что-то беспокоило радушного хозяина. И почему они вместо серьезного разговора продолжают балагурить?

Балихин вышел из зала в коридор, прошел в разделочную. Там повар с поварихой помогали официанту - ставили на поднос живое бочковое пиво (другого в "Горке" не держали) и огромных днепровских раков, каждую неделю привозимых по воздуху из Киева на Чкаловский аэродром.

- Ну, че, - повариха Зина уставилась на хозяина, - все путем?

Балихин неопределенно пожал плечами, как бы молча давая понять, что все хорошо в современной жизни бывает только у покойников, затем поправил бабочку на рубашке у Славы и пропустил его в дверь.

Слава недоумевал. На пальцах у каждого гостя синели перстни. Когда они перед трапезой спустились вниз в сауну и разделись перед парилкой, официант подавал им большие махровые полотенца и, ахнув, успел разглядеть такую картинную галерею, Третьяковка позавидует. Нет, никаких Сталиных - Лениных у них на груди не было.

Но у обоих мужчин кроме одинакового количества перстней, на плечах красовались одинаковые погоны из восьмиконечных звезд, такие же звезды располагались на коленках, это означало: «Бля буду, не встану на колени!» Колючая проволока змеей обвивала каждую руку до плеч. На тыльных сторонах ладоней шипами щетинились розовые кусты. И только на груди и спине у них разворачивалась разная панорама.

У Касима на груди покоилась раскрытая святая книга Коран с сурой из арабской вязи и стилизованным ее переводом ниже: "Нет пути против творящих добро". Всю спину занимала мечеть Мекки со святым камнем Каабой посередине. Это уже потом Славе дядя родной объяснил. У Воли на спине тоже высились храмы с куполами, а по всей груди страдал распятый Христос.

И вот эти люди в банкетном зале ели, пили, весело шутили, и не было в их поведении даже намек на грубость. Они не произнесли ни одного матерного слова, не наделяли людей других национальностей обидными прозвищами, не обзывали женщин обидными словами: лярва, сука, бикса и так далее.

- Русские - это судьба, - говорил, отхлебывая пиво, Касим.

- Татары - это призвание - подхватывал Воля.

- Евреи - это профессия, - не унимался Касим.

- А якуты - это счастье! - заключил Воля, потому что живут на вечной мерзлоте, а чтобы не замерзнуть, постоянно пьют огненную воду.

Касим соглашался:

- Точняк. Во маленькому, но гордому народу фарт катит. Такая маза тунгусам!

Салиху Абузаровичу тоже стало жарко, он расстегнул зеленый джемпер и вытирал платком пот на шее.

Давным-давно молодой Касим протасил на себе по таежной чащобе раненного в бедро конвоирами кореша Волю. На берегу реки он надул камеру от "Краз", припасенную в котомке за плечами. Камера по весу мало чем уступала обессилевшему от потери крови подельнику. На перекрестье из сучьев накидал лапника, уложил раненного и неспешно вошел в ледяную

воду, отталкиваясь подальше от берега. Собаки вохровцев радостно лаяли, повизгивали от нетерпения, предвкушая скорую добычу, но быстро встали, как вкопанные у воды. Капитан с группой захвата дал несколько очередей по черной осенней водной глади, непонятно на ком вымещая злобу. Пара уток снялись с плеса, рассерженно крикая, отчаянно удирая в ельник, а за излучиной реки беглецы быстро продолжали удаляться от преследователей.

- Ну что, вот и раки! Сначала я этому красно-пучеглазому чужаку клешни вырву, - Калядин с хрустом рвал рака, - а затем задницу ему порву.

- И что потом? - рысьи глаза Касима сузились, - Ну порвешь ты их, а толку!

- А что прикажешь делать?! - У Воли желваки ходили ходуном. - Хоть сейчас триста рыл подписываются в командировку. На уши все поставят.

В этот момент в открывшуюся дверь вошел двухметровый малыш, повадками смахивавший на борца Карелина. Голос у него был торжественно хриплым, как у мажордома.

- Журналист говорит, сделаю все, что смогу, - он положил вырванный тетрадный листок перед мужчинами.

Воля еще раз с отвращением взял за уголок маляву и вслух прочитал: «Ваши детки у меня. Меняю на Тохтамыша в течении недели. Дальше - вилы». Подпись Чужак. А где он? Касим быстро посмотрел на Верзилу.

- Кто? Чужак?

- Да нет, милый, журналист! - от нетерпения Касим еще сильнее сузил глаза.

Верзила вышел в коридор и завел обратно Сошина. Сначала Сергей Игнатьевич крепко обнялся с вставшим к нему навстречу Валентином Андреевичем Калядиным, затем - с Салихом Абузаровичем.

- Давненько я вас не видел, - растроганный таким приемом Сошин смущенно хмыкнул и опустился на предложенный стул. - Располагайте мною всецело. Только объясните, что мне делать.

- Вот тебе, Сергей, сейчас все Воля объяснит, а я пока что одному земляку звякну, - буркнул Касим, набирая по мобильному телефону междугородний номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.